ИСТОРИЯ

"Третья Россия" в Варшаве. Судьбы Савинкова и польской библиотеки

Иван Толстой

21 ноября 2026

Борис Савинков в августе 1917 года

Серьезные, глубокие работы по истории эмиграции появляются нечасто. Особенно теперь, когда работа прежних академических институций в России идеологически затруднена, тематика сужена, а многие ученые были вынуждены по разным причинам покинуть страну. Не говоря уже о запрещении целых исследовательских и правовых проектов.

Тем большей признательности заслуживают такие масштабные монографии, как только что появившаяся книга живущих ныне в Париже Константина и Аллы Морозовых "Борьба за “Третью Россию“ и польско-русское/русско-польское сближение. Идеи и деятельность Русской политической группы в Варшаве и Б. Савинкова (1919-1932)".

Из Польши – за свободу России

Польская тема в истории русского рассеяния, как ни странно, изучена крайне недостаточно. Это не русский Париж, не русский Берлин или Прага, о которых выпущены десятки монографий, мемуаров, писем, дневников, фотоальбомов и сборников документов. Варшава, пожалуй, последняя из "мачех российских городов", не удостоенная еще своего книжного шкафа. И напрасно. Конечно, напряжение собственно литературной жизни здесь было слабее, чем в иных беженских столицах (в Риге или, скажем, Белграде), но интеллектуальному и особенно политическому ритму можно было позавидовать.

Решительный поворот здесь начался со знаменитого "чуда на Висле", когда 16 августа 1920 года в ходе советско-польской войны польские войска в безнадежной (как считалось) ситуации неожиданно перешли в контрнаступление и наголову разбили Красную армию. Мирные переговоры в Минске начались уже на следующий день, а еще через два месяца военные действия прекратились полностью.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Чудо на Висле". Как большевикам не удалось захватить Европу

Вот тут и хлынули в Польшу российские беженцы, число которых, по данным американского Красного Креста, достигало миллиона человек. В самой столице главной фигурой политической жизни стал Борис Савинков, позицией которого определялось для эмигрантов всё: он организовал Народный союз защиты Родины и Свободы, создал Русский политический комитет, который многие склонны были рассматривать как русское правительство в изгнании, основал газету "Свобода" и привлек к ее деятельности Дмитрия Мережковского, Зинаиду Гиппиус, Дмитрия Философова и Владимира Злобина.

Вот здесь и начинают свое документальное повествование Алла и Константин Морозовы. Надо напомнить, что Константин Николаевич в сегодняшней историографии – крупнейший специалист по Савинкову и автор его фундаментальной научной биографии, а Алла Юрьевна – знаток истории революционного движения в России, "неленинского большевизма" Александра Богданова, российской социал-демократии и борьбы женщин за права и свободы.

Рассказ стартует от декабря 1918 года, когда Кароль Вендзягольский (польский дворянин, гражданин Российской империи, участник Первой мировой, революционер, доверенное лицо Пилсудского, мемуарист) получил миссию от Киевского отдела Союза возрождения России, "выполнение которой в Варшаве запустило цепную реакцию последующих событий". Авторы показывают, как Вендзягольский "сыграл весьма серьезную роль в обращении внимания польского общества на необходимость польско-русского сближения и совместной борьбы русских антибольшевистских сил и Польши".

Обложка монографии К. и А. Морозовых

Повествование захватывает деятельность народного социалиста, савинковца Дмитрия Одинца (союзника Русской политической группы) и переходит к главной фигуре книги – Борису Савинкову, который показан во всем противоречии своих политических взглядов и действий 1917-1919 годов и, в глазах некоторых современников, человека "опасного" и склонного к предательству.

Главы книги Морозовых названы развернуто, подробно, с большим уважением к читателю, позволяя быстро ориентироваться в повествовании – словно в приключенческих книгах XIX века. Удобно и рецензенту: чем пересказывать проблематику, достаточно процитировать пункты оглавления.

"С русской реставрацией у Польши никакого соединения быть не может. Лучше всё, чем это. Лучше большевизм!" (слова Пилсудского); Николай Чайковский и его вклад в русско-польское сближение и совместную антибольшевистскую борьбу; "Триумвират" Гиппиус, Мережковского и Философова; деятельность воинских формирований под политическим руководством Савинкова; Рижский договор 1921 года и нарушение договоренностей Савинкова и Пилсудского польским правительством; высылка группы Савинкова из Польши; Народный Союз Защиты Родины и Свободы; повесть "Конь Вороной"; причины поездки Савинкова в СССР; "Третья Россия": проблемы авторства термина и концепции (Мережковский, Гиппиус и подхвативший идею Савинков); феномен газет "Свобода", "За Свободу!" и "Молва"; портреты Дмитрия Философова, Виктора Португалова и Михаила Арцыбашева.

> **История русской эмиграции, подсвеченная**

Это своеобразная энциклопедия 1920-х годов. История русской эмиграции,

польским "лучом", дает новые краски идейной и политической драмы изгнания

подсвеченная таким польским "лучом", дает новые выразительные краски идейной и политической драмы изгнания.

Как читателю мне стал, в частности, яснее вопрос о причинах савинковской высылки из Польши. Дело в том, что почти все договоры разных государств с большевиками включали пункт об отказе в поддержке на своей территории организациям, враждебным СССР. И некоторые правительства относились к этому вопросу со всей серьезностью. После Рижского договора (весна 1921) решение Польши можно было рассматривать как проявление дипломатической любезности.

Была при этом оказана и встречная любезность. Чтобы пояснить ее, надо отступить в глубь истории.

Судьба "варшавской жемчужины"

В середине XVIII века Варшава славилась библиотекой графов братьев Залусских – Анджея Станислава (1695-1758) и Юзефа Анджея (1702-1774). Библиотека была по преимуществу франкоязычной и по своему составу крупнейшей в Европе за пределами Франции. Страстные просветители и библиофилы, братья путешествовали по Европе, покупая книги, рукописи и документы, относящиеся к истории Польши.

После смерти своего дяди Юзеф Залусский занял его кафедру, став епископом Плоцким, и вместе с братом получил в наследство богатую дядину библиотеку. Годы спустя, когда книжный фонд приобрел национальное культурное значение, было решено сделать хранилище общедоступным, и братья купили в Варшаве импозантный особняк (дворец Даниловичей), открыв свое собрание в присутствии короля Августа III.

Братья Анджей и Юзеф Залусские

Библиотека была объявлена "венцом столицы и вселенной", "жемчужиной Польши". Читатели "были приглашаемы обращаться с книгами бережно", и каждый посетитель должен быть совершить тайную молитву за основателя библиотеки.

На пике своей известности (1747) собрание насчитывала около 180 тысяч томов и, как пишет историк Люба Мельник, имела в своих планах издательскую программу, основанную на коллекциях не только Залусских, но и всех готовых участвовать в проекте. Политические события – борьба за польский трон – помешали этим планам воплотиться в жизнь: "Юзеф поддерживал Станислава Лещинского, на стороне которого была и Франция. Однако Лещинский в борьбе за корону потерпел неудачу – и вместе с ним в изгнании оказался епископ Залусский

(дядя братьев – *Ив.Т.*). Но никакие политические катаклизмы не мешали им собирать книги".

> **Никакие политические катаклизмы не мешали им собирать книги**

В Париже Юзеф "составляет список, в котором перечислено под две сотни литераторов, книжников, коллекционеров, книготорговцев, методично обходит всех, обследуя чужие библиотеки, обмениваясь раритетами, копируя редкие произведения. Изобретателю термометра Реомюру он преподносит польские сборники, содержащие сведения о наблюдениях за саранчой. Специалист по геральдике получает от Залусского генеалогическое древо одной из аристократических семей Польши. Сорбонна, Коллеж Людовика Великого, ризница церкви Сен Женевьев, частные, монастырские и государственные книгохранилища – отовсюду поступают книги в библиотеку епископа Залусского. Юзеф в своих странствиях исколесил всю Европу, стал членом научных обществ Рима, Флоренции, Болоньи, Берлина, Лейпцига, академий Санкт-Петербурга, Нанси и Стокгольма".

На полвека библиотека Залусских, пишет Люба Мельник, стала одной из главных достопримечательностей Варшавы. Посещающие город иностранцы считали обязательным для себя посетить дворец-библиотеку. Выпускались различные справочные издания для распространения в Европе. Кроме книжного и рукописного собрания, комплектовались коллекции гравюр, карт, возник кабинет натуральной истории с гербариями, собранием минералов, набором всевозможных измерительных инструментов.

"С полным основанием, – писал историк Дмитрий Кобеко, – академии Болонская, Берлинская и Петербургская избрали (Юзефа) Залусского в число своих почетных членов". Впрочем, слегка нахмурившись, продолжает Кобеко, "польские биографы Залусского рассказывают, что иногда он „выманивал“ для своего собрания редкие книги у лиц, которые не понимали их цены, даже прямо „похищал“ книги и у частных лиц, не говоря уже о том, что, пользуясь своим высоким положением, бесцеремонно обирал монастырские библиотеки, (...) не считаясь с правами и желаниями их собственников".

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Культура исчезла. Есть культурка". Из РНБ уволен легендарный библиограф

По словам историка, "приобретая какую-либо книгу, Залусский, кажется, никогда не ставил ее прямо на полку: он интересовался чуть ли не каждою из них, чуть ли не каждую рассматривал; на очень многих его книгах имеются собственноручные его пометки, которые неоспоримо об этом свидетельствуют: он то раскрывал имя автора на сочинении анонимном, то выставлял не указанный год издания, то, наконец, обозначал степень редкости того или другого издания: на книгах, которые он считал довольно редкими, он ставил звездочку, книги редкие отмечал двумя звездочками, наконец, очень редкие – тремя; есть книги библиотеки Залусского и с большим числом звездочек, до шести; так отмечал их владелец те книги, которые он считал за phoenix librorum (книжными фениксами, уникумами — *Ив.Т.*), и говорил, что они «реже белых воронов» (albis corvis rariores)".

После смерти в 1758 году Анджея вся библиотека осталась на попечении Юзефа и пяти библиотекарей. Но денег становилось меньше, росли долги, наследники покойного брата претендовали на дворец, и Юзеф завещал библиотеку польскому народу, а управление ею вручил "на вечные времена Варшавскому иезуитскому коллегиуму".

В 1767 году по приказанию русского посла в Польше князя Николая Репнина (которого историк Сергей Соловьев характеризует как человека "стремительного на захват, на решительные, насильственные меры"), отправленного в Польшу, чтобы поддержать там русскую партию и содействовать возведению на престол Станислава Понятовского, Юзеф Залусский вместе с другими членами польского Сейма был арестован и выслан в Смоленск, а позднее в Калугу.

Он вернулся в Польшу весной 1773-го и нашел библиотеку в печальном состоянии: продолжались хищения, "каким-то двум таинственным итальянцам" было продано много книг и редких эстампов, в последние годы новых приобретений не было вовсе. Здание ветшало и находилось в аварийном состоянии, многие книги покрылись плесенью и лежали на полу, так что отыскать нужный том порою было невозможно.

> **“ Запрещаю разделять, продавать и рассеивать мою библиотеку**

Тем не менее, формально продолжало действовать оставленное Юзефом завещание: "Запрещаю разделять, продавать и рассеивать мою библиотеку".

В 1795-м, когда Варшаву стремительно взял Суворов (этот "кровожадный полудемон", по словам французской и английской печати), библиотека Залусских была "с корнем вырвана" из жизни столицы, погружена на бесчисленное количество подвод и отправлена в качестве трофея в Петербург – как "собственность русского правительства".

Месть полякам началась сразу же за околицей города: ценнейшие книги продавались желающим целыми корзинами. А то, что добралось до Петербурга, не было обеспечено должной охраной: наиболее привлекательные издания начали появляться у продавцов и в домах просвещенной знати. Основная часть трофея (около 250 тысяч томов) была сложена в садовом павильоне Аничкова дворца (у нынешнего Александринского театра). Но вскоре Екатерина II повелела начать строительство новой библиотеки – специально в видах сохранения коллекции Залусских "с присовокуплением всех российских книг".

Читальный зал Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге

Таким образом, открывшаяся в 1814 году на Невском проспекте Императорская публичная библиотека во чреве своем несла "варшавскую жемчужину".

Польша переживала утрату библиотеки очень остро. В различных дипломатических и культурных контактах требование возврата коллекции возникало не раз. Некоторая часть собрания вернулась в Польшу в два этапа – в 1842 и 1863 годах.

И вот теперь мы вернемся к 1921 году, когда был подписан советско-польский Рижский договор.

А затем погибло всё

В августе 1921-го по делу о Таганцевском заговоре был арестован Николай Гумилев, снимавший комнату в Доме Искусств на Невском. Утром 5 августа к нему в комнату постучал и со словами: "Николай Степанович?" открыл дверь поэт-переводчик Михаил Лозинский, об аресте еще не знавший. Его втянули в комнату и задержали. Как он рассказывал впоследствии, "я провел три дня на венском стуле", на Гороховой.

Михаил Лозинский

Жена Лозинского бросилась просить за мужа, ездила (по чьей-то подсказке) в Гатчину к жене следователя ЧК, убеждала в полной непричастности супруга к каким бы то ни было заговорам. Но кого эти ходатайства могли убедить, когда карательный сценарий был уже расписан?

И вот случилось чудо: через три дня Лозинский был как ни в чем не бывало отпущен, без всяких объяснений. И целых сто лет причина его странного освобождения оставалось неясной. И лишь в самое последнее время в архиве той самой Публичной библиотеки (где служил Лозинский) был найден документ, все ставящий на свои места.

Завершив войну с Советской Россией, Польша в Рижском договоре отметила среди прочего необходимость возвращения ряда ценностей, оказавшихся на советской стороне, в частности, библиотеки братьев Залусских. Дело было государственной важности. Многие другие соображения в тот момент отступали на второй план. Об этом и свидетельствует приводимый документ, составленный и подписанный правительственным комиссаром Публички Владимиром Максимилиановичем Андерсоном и направленный Борису Александровичу Семенову – председателю (с апреля по ноябрь 1921 года) Петроградской губернской ЧК.

В Президиум Губчека

Тов. Семенову

Вчера, 5 августа, в помещении "Дома Искусств" был задержан заведывающий художественным отделением Российской Публичной библиотеки Михаил

Леонидович Лозинский, пришедший в комнату, где проживал за день до того арестованный писатель Гумилев.

Я совершенно не знаю Гумилева и потому не могу сделать никакого предположения о причинах его ареста, но зато хорошо и давно знаю Лозинского. Берусь очень настоятельно утверждать, что он всегда стоял и стоит совершенно в стороне от каких бы то ни было политических интересов. Это человек, работающий исключительно в области литературы, отдающий все свое время, помимо службы в библиотеке, выполнению литературных заказов, порученных ему А. М. Горьким. Имея на руках семью с больными детьми, Лозинский, личность очень прямая и откровенная, всегда очень отрицательно относился к каким бы то ни было вмешательствам интеллигенции в советскую политику и все его знакомства были лишь в кругу литераторов. Гумилев пользуется широкой известностью в этих кругах и потому Лозинский, работая в области стихотворства, не мог тоже не быть знаком с Гумилевым и если он зашел к нему, то для меня нет ни малейших сомнений, что причиною этого была только какая-нибудь литературная надобность.

Как партийный деятель, я убежден, что первый же допрос Лозинского, ни разу не подвергавшегося ни обыскам, ни аресту, выяснит у товарищей следователей его полнейшую неприкосновенность к каким бы то ни было буржуазно-интеллигентским замыслам. Но допрос его может и затянуться, а между тем Лозинский, которому я лично очень доверяю, в данное время является одним из той "пятерки", <трудам> которой мною поручена, по распоряжению московского центра, крайне секретная и ответственная работа в Библиотеке, в связи с большою необходимостью для рабочей России <три слова выпущено архивистом-публикатором – Ив.Т.> выполнения нами мирного договора с Польшей.

Ввиду этого всякая даже кратковременная отлучка Лозинского от лихорадочно выполнимого мною задания крайне вредно отражается на очень важном деле. Поэтому я позволяю себе ходатайствовать о временном освобождении Лозинского, под моею полнейшею ответственностью, обязав его немедленно явиться к допросу, который сразу же несомненно разъяснит его невиновность ни в чем.

Лозинский был сразу же освобожден и больше по делу о Таганцевском заговоре не привлекался. Библиотеку Залусских, давно рассредоточенную по гигантскому хранилищу, нужно было по крупицам воссоздать в своей цельности да еще и не ошибиться, случайно отдавая полякам лишнее. Для этого требовался специалист со знанием полудюжины языков, истории Европы, и сам библиофил-практик.

Советская сторона передала книги в два этапа – в 1925 и 1935 годах, но добилась согласия оставить у себя 1400 латинских рукописей.

> **Идея "третьей России" рухнула: Польша выбрала мир с красными**

Борис Савинков, как рассказывают в своей книге Константин и Алла Морозовы, разворачивал перед польским правительством привлекательную, с его точки зрения, идею "третьей" России, ни белой, ни красной – демократической. Идея рухнула: Польша выбрала мир с красными, которые отдали ей то, что захватили некогда белые.

В этом политическом обмене Савинков был приравнен к библиотеке Залусских. В октябре 1921 года, согласно своим новым обязательствам Варшавы перед большевиками, он был вынужден покинуть пределы Польши. Два с небольшим года спустя бывший эсеровский лидер тайно вернулся в Россию, завлеченный туда в ходе чекистской операции "Синдикат".

А затем погибло всё. Вначале Савинков, то ли выбросившийся, то ли выброшенный во двор Лубянской тюрьмы в мае 1925 года. А еще почти 20 лет спустя уже не Суворов брал Варшаву, а нацисты подавляли Варшавское восстание. "Солдаты огня" – Brandkommandos – в октябре 1944-го сожгли книжные сокровища Польши.

Урна с этим пеплом хранится теперь в Национальной библиотеке Варшавы.

Исследователям же, работающим с фондами российских книгохранилищ, иногда, говорят, попадаются книги с литерой Z – останки библиотеки Залусских, небрежением или лукавством былых поколений российских книжников сохраненные от возвращения в Польшу – и от гибели.

Иван Толстой

Другие статьи и программы здесь: Герои Ив.Толстого

Поверх барьеров | Поверх барьеров с Иваном Толстым | История | Выбор Свободы